

63.5

T13

СА-388070

НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Таджики

Таджики

Ответственные редакторы:

Н.А. ДУБОВА, Н.К. УБАЙДУЛЛО,

З.М. МАДАМИДЖОНОВА

РФФИ

МОСКВА
НАУКА

2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ca-388070

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного исторического периода таджики составляли основную часть населения на обширной территории Средней Азии, включающей регион междуречья Амударьи и Сырдарьи. В ранних источниках эта территория называлась Варазруд, греки называли ее Трансоксианией, а арабы – Мавераннахром. Сегодня здесь расположены независимые государства Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, часть Казахстана, Иран и Афганистан, жителями которых, кроме таджиков, являются узбеки, туркмены, казахи, кыргызы и представители многих других народов.

Топоним «Средняя Азия» появился в XIX в., когда имела место «Большая Игра» между Россией и Великобританией. Обширная территория от Каспийского моря на западе до Турфанского оазиса (Китай) на востоке, от степей Дашти-Кипчака (Северный Казахстан) на севере и до гор Гиндукуша на юге в разное время была заселена согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами, ферганцами, сако-массагетскими племенами, персами, парфянами и др. Многие исследователи считают согдийцев локомотивом новшеств в регионе. Именно они создали мобильную модель выживания на Великом Шелковом пути. Согдийцы и бактрийцы стали авторами многих новаций в торговле, развитии ремесел, ткачестве, гончарстве, производстве бумаги, они активизировали их не только в Центральной Азии, но и в Европе и Китае.

Историческое развитие этих народов явилось основой сложения таджикского этноса с его языком, обрядовыми традициями и оседло-земледельческой культурой. В настоящее время на этой территории, кроме таджиков, проживают узбеки, туркмены, казахи, кыргызы и представители многих других народов. До прихода на территорию Средней Азии тюркоязычные племена имели разную историю.

Народы, жившие в Средней Азии в разные исторические периоды, испытывали набеги греков, тюрков, арабов, монголов, но, несмотря на все трудности выживания, потомки древнего ираноязычного населения смогли сохранить свою идентичность, язык, традиции и культуру. Тюркские завоеватели отводили таджикам особое положение: они присваивали себе их громкие титулы, связывая свое происхождение с правителями прошлого. Они сохранили государственное устройство, дворцовый этикет, организацию армии, административную систему, почту и многие другие культурные элементы Ахеменидов, Сасанидов и Саманидов. Система государственного устройства и управления, сложившаяся при этих династиях использовалась не только Тимуридами, но и другими династиями вплоть до установления советской власти. К великой гордости таджиков, Тимуриды создали Министерство Таджиков (*Dīvān-i Tājikān*), Министерство Командиров (*Dīvān-i Amīrān*),

которые занимались государственным управлением, финансированием и военно-политическими делами государства (*Fragner*, 1994. Р. 15). Следует заметить также, что в государстве Великих Моголов, у узбеков-мангытов и у пуштунской правящей династии в Кабуле государственным языком был персидский (дари/фарси). Значительная часть современного населения Средней Азии сохранила персидско-таджикскую культуру.

Начиная с середины I тыс. н.э., ираноязычные жители региона постоянно испытывали натиск пришлых тюркоязычных кочевых групп. Приходившие в Среднюю Азию с востока кочевники захватывали все больше равнинных пространств и вынуждали значительную часть аборигенов, не смешавшихся с пришельцами, сужать свой ареал обитания, приближая его к горам. Таджики переселялись в горные территории и увеличивали численность горцев, создавали модель выживания в новых условиях, продолжая сохранять основы своего хозяйственно-культурного типа.

Соперничество и геополитические интересы России и Великобритании на Среднем Востоке, в том числе в Средней Азии, в Афганистане и в Индии, во второй половине XIX – начале XX в. изменили социально-экономическую ситуацию в крае и также повлияли на судьбу таджиков. Средняя Азия имела огромные ресурсы как человеческие, так и природные. Поэтому она вызывала огромный интерес, в том числе и у России. Сюда стали проникать новые капиталистические отношения, строиться автодороги, железные дороги, фабрики и заводы. Для успешности этого процесса необходимо было знание о природных ресурсах региона, о культуре там проживающих народов. Поэтому историография этнографических исследований по Средней Азии включает большое число работ русских востоковедов, офицеров царской армии, путешественников о ее народах, в том числе и о таджиках.

Судьба таджиков не баловала. Николай Ханыков, посетив Среднюю Азию в середине XIX в., пишет, что коренными обитателями Бухарского ханства являются таджики (*Ханыков*, 1843. С. 55; 1977. С. 25, 118). Он также писал: «Различные племена, прошедшие через эти обширные пространства и пустынные горы, жители городов и древних поселений составляют лишь крохотную частицу многочисленного народа, являющегося с незапамятных времен хозяином той земли, о которой мы ведем сейчас речь [Персии. – *Ред.*] и прошлое которой – то героическое, то печальное – оставило неизгладимые следы» (*Ханыков*, 1977. С. 25). «Издавна таджики были земледельцами и садоводами. Их поселения в Средней Азии существовали за несколько столетий до Р.Х., поэтому этот народ составляет самое древнее население Средней Азии и притом самое просвещенное и образованное сравнительно с остальными народностями страны» (*Семенов*, 1911. С. 45). Известный европейский путешественник Армений Вамбери писал, что известнейшими муллами и знатнейшими ишанами в Бухаре, Коканде, Кашгаре с древнейших времен являются таджики (*Вамбери*, 1868. С. 318–319). А. Д. Гребенкин в своей работе «Таджики» отмечал, что «с занятием города Туркестан мы вступили в страну таджиков»; «таджики заселяли пять городов: Самарканд, Ургут, Ката-Курган, Пенджикент и Пеншанбе» (*Гребенкин*, 1872. С. 1–77). В. В. Радлов в статье о средней Зеравшанской долине указывает, что «официальная переписка, документы и приказы правительственных лиц всегда пишутся на пер-

сидском языке» (Радлов, 1880. С. 69). А. Шишов перечисляет те местности, где с древности проживали «сарты-таджики». Он также приводит численный состав таджиков по областям Туркестанского края, описывая Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую области, города Бухару с Гиссарским краем, Каратегин, Дарваз, Рушан, Шугнан и Вахан (Шишов, 1907. С. 80–83; 1910. С. 163; 1910. С. 24–25). Автор пишет, что общая численность таджиков по Туркестанскому краю составляет 1 890 000 человек. П. Е. Кузнецов приводит список 39 таджикских кишлаков Наманганского уезда с указанием численности населения в каждом из них (Кузнецов П. Е., 1916. С. 1–3, 17–18).

Большой научный вклад в изучение истории таджиков Средней Азии с древнейшей истории до начала XX в. внес видный востоковед В. В. Бартольд (Бартольд, 1963г. С. 467; 1963а. С. 119; 1922). В его работах дается характеристика населения Туркестанского края и приводится факт, что в 1920 г. при утверждении Конституции Туркестанской республики коренными национальностями были признаны киргизы, узбеки и туркмены, а таджики были забыты (Бартольд, 1925. С. 111). Эти данные свидетельствуют, что при национально-территориальном размежевании 1924 г., территория расселения таджикского народа оценивалась не вполне объективно. И как результат такой политики, появились спорные вопросы о границах Таджикского государства (Масов, 2003. С. 169). Вопросы присоединения Средней Азии к России отображены в работах Б. И. Искандарова (1960. С. 290), Н. А. Халфина (1965. С. 16–26, 37–45), О. Б. Бокиева (1994), Х. П. Пирумшоева (1998. С. 26; 2000. С. 3) и др.

Разграничив свои геополитические интересы, Великобритания и Россия решили ряд вопросов, которые были важны для них. Но в тоже время не было обращено внимание на то, что линия согласованных границ разделила один народ между разными государствами. Национально-территориальное размежевание 1924 г. продолжило этот процесс, закрепивший тот вариант, который существует до настоящего времени, но споры о справедливости именно такого разделения до сих пор не утихают. Для некоторых народов Советского Туркестана этот исторический момент явился приобретением, а для других – потерями. В этом состоит одна из сложностей описания этнокультурных особенностей таджиков. Еще пару поколений назад к ним себя относил население ряда территорий, ныне входящих в Узбекистан или в Киргизию, а ныне ситуация поменялась. Упомянутые классики описывали культуру горожан Бухары, Самарканда или Чуста как таджикскую, а так ли это в наши дни? Поэтому вывод, к которому обоснованно пришла Л. А. Чவர்ь, анализируя структуру таджикского этноса (нередко отмечаемая большая культурная близость этнографических групп разных этносов между собой, нежели с аналогичными группами «своего народа» – Чவர்ь, 2001. С. 10), необходимо распространять на более обширные территории.

Разное отношение руководства СССР к выделению той или иной территории, имело под собой известные основания. Согласно принципу условности границ внутри союзного государства, земли фактически не принадлежали нациям и даже их государственным образованиям. По многим причинам и сегодня изменение сложившихся тогда границ категорически недопустимо.

Но советская власть предоставила большие возможности для продолжения многостороннего изучения Средней Азии. В том числе и ее этнографии. Такие выдающиеся специалисты, как А. А. Семенов, А. А. Зарубин, М. С. Андреев, Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, Н. А. Кисляков, Н. Н. Ершов, М. Р. Рахимов, Н. Х. Нурджанов, И. М. Мухитдинов, Л. Ф. Моногарова, В. И. Бушков, Р. Рахимов, Т. Каландаров и ряд других, зачастую преодолевая такие сложности, что современному человеку даже сложно представить, собрали и систематизировали колоссальные (и добавим, до настоящего времени еще не полностью проанализированные) бесценные сведения по этнографии таджиков. Классикой мировой этнологии считается монография М. С. Андреева «Таджики долины Хуф (верховья Амударьи)» (1928). Но их обобщение вместе с добавлением тех знаний, которые были добыты уже в конце XX в., до сих пор не имело места. Культура народа – живой, развивающийся организм, поэтому он требует постоянного изучения, и полагать, что культура народа «изучена полностью», просто невозможно.

Первые материалы по этнографии таджиков собирались фанатами-этнографами, которые были чаще всего приехавшими из крупных европейских городов. Можно говорить о том, что историческая наука в полном смысле слова возникла в Таджикистане в годы советской власти (Масов, 2014. С. 163). Так, уже в 1924 г. с целью сбора и изучения материалов по истории, этнографии, литературе таджикского народа при Наркомпросе Узбекской ССР была создана Таджикская научная комиссия (Шукуров, 1970. С. 179). В 1925 г. в Ташкенте было основано «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», которое являлось первым научным учреждением по изучению истории таджикского народа. Почетным председателем Общества стал руководитель Ревкома Таджикской АССР Насратулло Максум (Латфуллаев), который оказывал всяческое содействие в создании Общества и организации исследовательских работ. Научная деятельность Общества развернулась в двух отделах: физико-географическом и экономическом и в историко-филологическом и этнографическом (Шагалов, 1966). В конце того же года в Таджикистане был открыт филиал этого Общества. Его деятельность заключалась в организации и проведении научных экспедиций на территории республики. За весь период деятельности (1925–1929 гг.) Обществом было организовано четыре научные экспедиции, опубликовано 14 трудов, которые получили широкое признание во всем СССР. Особо надо отметить сборник «Таджикистан» (1925). В него вошли 13 статей по различным направлениям науки. Особое значение имела статья В. В. Бартольда «Таджики», которая стала, по сути, первым научным исследованием, посвященным истории таджикского народа. (Масов, 2014. С. 164). В 1930 г. Общество вошло в состав созданного тогда же первого в Таджикистане научного учреждения «Таджикского государственного научно-исследовательского института» (ТГНИИ). После учреждения Таджикской базы Академии наук СССР, что имело место в 1932 г., в начале 1933 г. ТГНИИ был включен в ее состав.

В 1934 г. на основе Выставки достижений народного хозяйства и коллекций Таджикской базы АН СССР был создан Музей древностей Таджикистана. В 1996 г. в его название было введено слово «Национальный». Музей

является хранителем уникальных археологических находок с территории всей страны. Там представлены такие сокровища, как великолепные образцы ранне-средневековой живописи и резьбы по дереву из древних городов Пенджикента, Шахристана, Бунджиката, буддийские ценности из Аджины-Тепе, в том числе выдающаяся скульптура лежащего Будды в нирване, уникальные находки с знаменитого античного памятника Тахти-Сангин (*Бобомулоев, Васитова, 2014*). Несмотря на все чрезвычайные обстоятельства военного времени 1992–1997 гг., усилиями администрации института богатые фонды обоих музеев, также как антропологическая коллекция, собиравшаяся многие десятилетия Т. П. Кияткиной, были сохранены.

Перед самым началом Великой Отечественной войны, в 1940 г. База была реорганизована в Таджикский филиал АН СССР, а в 1941 г. сектора, существовавшие в филиале, стали основой научно-исследовательских институтов. Одним из них стал Институт истории, языка, литературы и фольклора. Уже в 1944 г. вышла серия крупных работ, среди которых монография Б. Г. Гафурова и Н. И. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины», где в обобщенной форме излагалась история таджиков с античных времен до 1940-х годов (*Масов, 2014. С. 164–165*). 16 апреля 1951 г. из этого института выделился Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, первым директором которого был назначен выдающийся русский историк и востоковед, академик АН ТаджССР А. А. Семенов, внесший колоссальный вклад в становление и развитие этнографии и истории народов Средней Азии, в том числе таджиков (*Масов, 2014. С. 166*). В стенах института трудились такие известные ученые, как М. С. Андреев, Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик, Е. М. Пещерева, Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов, Р. М. Масов, Е. А. Давидович и др.

Значимость и объем собранного к концу 1940-х годов этнографического материала были велики. Поэтому по инициативе М. С. Андреева в 1947 г. создается кабинет этнографии, а в 1948 г. – небольшой музей этнографии. После смерти выдающегося ученого (в 1948 г.) кабинет возглавила А. К. Писарчик. После организации кабинета его сотрудники приступили к планомерному этнографическому изучению таджиков. Была разработана специальная программа обследования регионов с целью получения максимально полных материалов по культуре, языку, обычаям, обрядам и традициям таджиков и других народов, проживающих в Таджикистане. Эти материалы должны были лечь в основу создания этнического Атласа Таджикистана с включением в него информации обо всех народах Республики (*Додхудоева, 2014. С. 233*). Развивалось сотрудничество с другими этнографическими центрами советского государства.

В начале 1980-х годов из отдела этнографии института был выделен Музей этнографии, как самостоятельная структурная единица, имеющая свой штат сотрудников и собственные направления работы. На сегодняшний день этот музей содержит одну из богатейших в Средней Азии коллекций исторических предметов культуры и быта народа Таджикистана (*Бобомулоев, Васитова, 2014*).

Этнографические исследования продолжаются. Одним из самых крупных достижений ИИАЭ АН РТ явилось издание шеститомной «Истории

таджикского народа» (1998–2011), где этнографические материалы занимают важное место. Благодаря большому вниманию к историческим исследованиям Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, заканчивается работа над фундаментальным трудом по этногенезу таджиков, авторами которого являются не только известные ученые Таджикистана, но и России.

Том «Таджики» в серии «Народы и культуры» начинал готовиться одним из первых. Еще в 1992 г. усилиями известных специалистов по этнографии этого народа Л. Ф. Моногаровой и И. М. Мухиддиновым в качестве «материалов к серии» было подготовлено два больших раздела, посвященных семье (Моногарова, 1992; Моногарова, Мухиддинов, 1992а). После этого, в результате длительного разрыва связей между бывшими республиками Советского Союза, отсутствия достаточного финансирования полевых исследований, серьезных потрясений во время Гражданской войны, бушевавшей в Таджикистане в 1992–1997 гг., а также ухода из жизни ряда ведущих специалистов, изучение традиционной культуры таджиков сильно затормозилось. Но, благодаря разработке тем по этногенезу таджикского народа, активизировалось сотрудничество между РАН и АН РТ. В 2012 г. директором Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН академиком В. А. Тишковым и директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ академиком Р. М. Масовым был подписан Меморандум о сотрудничестве. Одной из важных его целей была подготовка данного тома к изданию. До своего неожиданного ухода из жизни, Р. М. Масов отдавал много сил подготовке статей к тому, формулировке отдельных его положений. В работе приняли участие многие сотрудники как двух упомянутых институтов, так и других учреждений обеих стран. В 2018 г. Российский фонд фундаментальных исследований оказал финансовую поддержку на завершающем этапе работ, в том числе позволил провести сбор актуальных полевых фотографических материалов (проект № 18–09–00473а. рук. Т. Каландаров).

Большую помощь в подготовке книги, обсуждении текстов статей, подборе иллюстративного материала и в работе над рукописями оказали С. В. Чешко, Л. Н. Додхудоева, Т. С. Каландаров, С. Н. Абашин, Е. А. Юрина, Т. Г. Филимонова, С. Бобомуллоев, Т. Р. Каримова и Т. Ашурмадова.

включая Ашем воху (Йасна 27.14), предваряют текст Гат (Йасна 27.13–15) и одна завершает его (Йасна 54.1). Существует несколько вариантов перевода Ашем воху с авестийского языка, включая перевод на русский язык, выполненный И. М. Стеблин-Каменским (Гаты Заратуштры, 2009. С. 35–36). Общий смысл молитвы заключается в прославлении Истины (авест. аша-) как наивысшего блага.

Исследовавший согдийский текст, И. Гершевич на основании фонологических особенностей фрагмента сделал предположение, что согдийцам Ашем воху была известна еще до того, как они стали зороастрийцами, а сама молитва, таким образом, является общеиранской (*Gershevitch*, 1976. Р. 81). Ашем воху согдийского текста составлена на языке, который не соответствует ни авестийскому, ни согдийскому языку, – это более архаичный язык (*Sims-Williams*, 2000; *Silk Road*, 2004. Р. 118). При этом основное содержание согдийского фрагмента вполне обычно и по языку, и по содержанию для зороастрийского текста: пророк Заратуштра описан в нем в момент поклонения Ахура-Мазде «от левого колена к правому, от правого колена к левому» (*Silk Road*, 2004. Р. 118).

Зороастризм Бактрии и Согда – областей, занимавших в древности территорию современного Таджикистана – не был единой религией, так же как и сами эти области на протяжении длительного периода времени сохраняли собственные культурные особенности в соответствии со спецификой уникального исторического развития. Однако они не были отделены от остального ираноязычного мира, являясь его важной частью, в том числе и в отношении принадлежности зороастризму в той или иной форме.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Центральная Азия наряду с Ближним Востоком является тем регионом, где сохранились самые ранние культовые постройки. Так, «родовой дом» в Чопан-депе (современный Туркменистан, джейтунская неолитическая культура), повторяющий планировку родовых жилых домов, но имеющий больший размер, мог быть святилищем, подобно святилищу в неолитическом поселении Песседжик-депе (Туркменистан), в котором к северо-восточной стене пристроен массивный очаг (1,8 × 1,1 м) с суфой-лежанкой. Напротив очага стена имеет выступ с лунообразным рельефом, вероятно, ритуального назначения. Стены украшены сюжетной росписью, выполненной красной и черной краской по белому фону. На одной стене изображены зооморфные сюжеты, восходящие к традиции охотничьих племен палеолита и мезолита и геометрические фигуры (*Шишкин*, 1977. С. 67). Другую стену святилища украшают черный треугольник, вершиной обращенный вниз, и удлиненный ромб, что близко орнаментальным элементам настенной росписи энеолитических культовых зданий в Хорасане (Яссыдепе, Анау, Сарманчадепе) (Памятники архитектуры Туркменистана, 1974. С. 26–27).

Культовые сооружения эпохи бронзы – раннего железного века характеризует ряд храмов на территории Маргианы, изученных В. И. Сарияниди. Примером крупного монументального культового комплекса Маргианы яв-

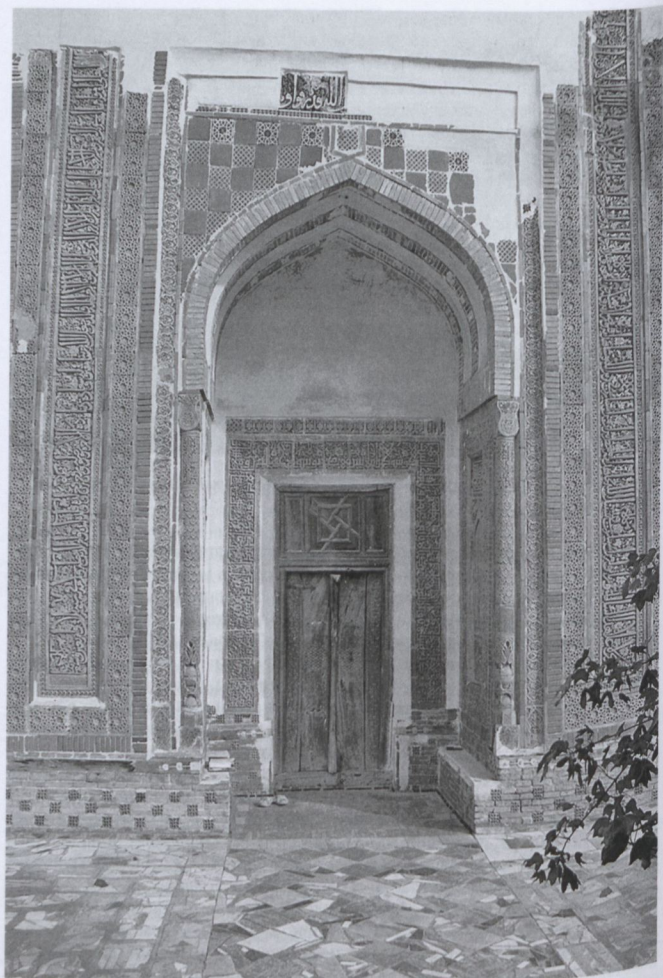
Источник в гостевом доме.
д. Нофин. Верховья Зарафшана.
Фото Л. Додхудоевой. 2014 г.

ляется Тоголок-21. Как замечает его открыватель и первый исследователь В. И. Сарияниди, это был настоящий «кафедральный собор», удовлетворяющий религиозные запросы всей страны Маргуш (Сарияниди, 1989). В подражание именно ему был выстроен периферийный храм Тоголок-1 – сооружение площадью около 1,5 га на небольшом естественном возвышении, в центре которого маргушские архитекторы возвели своеобразную прямоугольную в плане крепость (60 × 50 м), обведя его двумя рядами мощной кирпичной ограды. Углы крепости имели круглые башни, и по две полубашни располагались по периметру внешних стен, имеющих толщину до 5 м.

В архитектурно-планировочном решении всего комплекса лежит планировочная схема, характеризующаяся Г. А. Пугаченковой (1978) как «композиция с центральным элементом в периметральном или трехстороннем обводе». Эта схема была характерна для архитектуры античности, поэтому можно считать, что ее (схемы) истоки восходят к более древнему периоду истории.

Центральное место в парадной части крепости занимает двор, окруженный обводными коридорами, соединенными между собой посредством четырех проходов (они расположены по центру каждой стены двора). Этот двор, по предположению ученых, имел перекрытие и здесь, в «крытом дворе», происходили главные культовые церемонии, в том числе жертвоприношения животных (в одном из углов двора устроена дренажная система для стока крови животных).

Мавзолей Мухаммада Башоро. XI – XII, XIV вв.
Мазари Шариф. Пенджикент.
Фото Д. Гросс. 2016 г.

жилые комплексы-массивы компактной планировки, сочетающиеся с внутренними дворами. За третьим кольцом жилых массивов раскопана прямая стена, за которой находился глубокий ров. Как предполагает В. И. Сарияниди, весь архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат со стороной 130–150 м, у основания которого проходил глубокий ров (вспомним арийскую символику круга в квадрате!).

Центральное круглое здание, по мнению исследователя, играло сакральную роль — здесь проходили культовые церемонии, связанные с поклонением огню, т. е. было храмом огня, построенным в эпоху бронзы (XVIII в. до н. э.). Определение Дашлы-3 как храма огня или административно-культового центра оазиса вызвало научный спор. Так, по мнению А. Аскарлова, это монументальное сооружение представляет собой укрепленное родовое поселение, аналогичное по своему построению Сапаллитепе, только с более развитой жилой структурой за пределами внешних стен (*Аскарлов*, 1977. С. 134–135). По предположению К. Йетмара, поселение Дашлы-3 являлось культовым центром-городком, предназначенным для временного проживания участников празднования Навруза в день весеннего равноденствия. Внутри двора круглого здания совершались шаманские обряды, характерные для насельников эпохи бронзы. Эти обряды могли сопровождаться ритуальными танцами, пиршеством. Круглая галерея являлась местом для зрителей — участников праздника (*Jetmar*, 1981. С. 220, 225, 226). К мнению В. И. Сарияниди присоединяется и М. С. Булатов, также считающий круглое здание храмом огнепоклонников, что доказывается наличием культового *фокуса*-алтаря в западном секторе кольца, где имеется местное утолщение стены в кирпичной кладке. Алтарь, на котором горел «священный огонь», был обращен к восходу Солнца в день весеннего равноденствия. В сторону алтаря смотрели и молящиеся.

Помимо всего, Дашлы-3 являлся также астрономическим центром, где, по предположению М. С. Булатова, велись астрономические наблюдения за небесными светилами (*Булатов*, 1988. С. 30–33), так же как, например, в арийском Аркаиме. Ученые-жрецы Востока, в том числе Южной Бактрии, несомненно, знали о периодичности солнечных и лунных затмений гораздо раньше, чем об этом сообщают письменные источники.

Общественно-культовую идеологию древнейшего периода на территории Таджикистана характеризует поселение Саразм эпохи позднего энеолита и ранней бронзы, где представлены культовые помещения с дисковидными алтарями посередине, а также монументальное здание из 12 помещений, большинство из которых (8) расположено двумя параллельными рядами по четыре помещения каждый. Одно из помещений служило святилищем, на его полу обнаружены следы круглого алтаря на почти круглой платформе. Само здание имеет строгую геометрическую форму и возведено на платформе 15 × 15 м, высотой 0,75 м. Оно выстроено из прямоугольного сырцового кирпича (57–58 × 27–28 × 12–13 см). Открытие монументального здания в Саразме позволило А. Исакову назвать памятник поселением протогородского типа (*Исаков*, 1992). Как считает А. Исаков, это сооружение имело дворцово-культовое назначение. Поэтому оно и отличается от рядовых домов монументальностью и пышностью (*Исаков*, 1992. С. 21–24).

Вид жилища. Горные таджики.
Фото И.И. Зарубина. 1914 г.
МАЭ РАН. Кол. № 2371-34

ахеменидского Ирана (монументальные здания Дахани-Гуламан в Иранском Сеистане), но и о развитии местных региональных традиций, что подтверждается такими памятниками, как Кутлуттепа или Дашлы-3.

Различные источники (например, Авеста, клинописные царские надписи на глиняных дощечках, скалах, рельефах, греческие источники и др.) указывают на то, что первые правители династии Ахеменидов почитали огонь в алтарях, расположенных в святилищах. Эти же зороастрийские традиции были распространены и в восточных провинциях государства, которые появились здесь еще в доахеменидский период. Первыми святилищами были башнеподобные сооружения у Пасаргад и так называемое Кааба-и Зардушт и Накш-и Рустам в Иране (ВИА, 1966. Т. 1. С. 310–311; Бойс, 1988. С. 75).

В II в. до н.э. в Кобадияне (Хатлонская область Таджикистана) было построено городище Тахти сангин, общественный храм греко-бактрийского периода. Храм был посвящен богу реки Окс-Амударьи. В архитектурном плане в храме особо выделяется четырех-колонный белый зал. Как считают исследователи храма Окса, Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян, это наиболее полный и целостный комплекс из всех храмов огня (именно так интерпретируется этими учеными его назначение), сохранившихся на территории Центральной Азии и Восточного Ирана. В архитектуре храма Окса четко прослеживается эллинистическая традиция в применении колонных портиков,

Таджики издревле являются искусными садоводами. О выращивании плодовых деревьев в Средней Азии известно с эпохи бронзы (Поляков, 1980. С. 40). Посадка и выращивание деревьев (как плодовых, так и неплодовых) считается богоугодным делом – *саваб*. Поэтому неудивительно, что среди таджиков до сих пор сохранилось немало легенд, рассказов, обрядов относительно деревьев. В мифологии и фольклоре таджиков деревья – это живые существа, которые разговаривают, помогают, радуются, обижаются, плачут и т.д.

В Таджикистане есть много святых мест, связанных с почитанием деревьев. К ним идут люди на поклон (*зиёрат*), просят у них помощи. Таковыми деревьями могут быть ива (*бед*), платан (*чинор*), кипарис (*сарв*) и т.д. (Писарчик, 1987б. С. 251–260; 1989. С. 18–38; Абашин, 2008. С. 5–23; Рахимов Р. Р., 2010; 2012а; 2012б; Васильцов, 2012; Терлецкий, 2012а; 2012б; 2014. С. 211–239).

Ива, как ритуальный предмет, присутствовала на праздничном столе сасанидских правителей среди семи ветвей деревьев в честь Навруза (Иностранцев, 1909. С. 88). На праздник Навруз в некоторых районах Памира до сих пор делают из ствола ивы завиток (*кажаск*). Берут ствол от ивы, длиной примерно один метр, и с него ножом срезают тонкими длинными ленточками кору, оставляя целым только рукоятку длиной около 25 см. Хозяин берет такой *кажаск* и идет в свой дом, где хозяйка уже сделала генеральную уборку. Хозяин дома – как правило, муж хозяйки или ее свекор, заходя в дом, произносит традиционное поздравление в честь Навруза «Шогун бахор муборак», т.е. «Да будет благословлена благодать весны!», на что та ему отвечает «Ба руи шумо муборак» – «И для вас да будет благословенно» (Писарчик, 1989. С. 19; Ср.: Васильцов, 2012. С. 413).

Еще одно дерево, которое занимает особое место в духовной жизни таджиков, это кипарис. По одной из легенд кипарис был принесен Зардуштом из рая кайанидскому царю Гоштаспу, который посадил его в знак своего обращения в зороастризм в селении Кашмар в Хорасане. Вот как это описывает великий таджикско-персидский поэт А. Фирдоуси в своей бессмертной поэме «Шахнаме»:

Немалое время меж тем протекло,
И в царстве Гоштасповом древо возросло,
Его осеняя священной листвою,
Вознесшись до неба нетленной главой.
Оно принесло благодетельный плод –
Вкусивший его никогда не умрет!
Зердешта завет – имя древа тому,
Сломить Ахримана под силу ему.

(Фирдоуси, 1994. С. 66–67; Терлецкий, 2014. С. 226)

В таджикском фольклоре и литературе стан возлюбленной сравнивают с кипарисом, очень часто можно встретить слово «*сарвад*», что означает «девушка со стройной фигурой». Следует сказать, что в лирической народной поэзии таджиков кипарису не уступает ива, которая символизирует

Провеивание зерна. Ишкашим.
Западный Памир.

Фото И. Нуралиева, 2014 г.

чувства влюбленных (Амонов, 19776). Иве приписывают сакральную чистоту и легкость (Писарчик, 19876. С. 254).

Таджики выращивают абрикос – *зардолу*, алычу – *олуча*, виноград – *ангур*, вишню – *олуболу*, гранат – *анор*, грецкий орех – *чормагз*, грушу – *нок*, инжир – *анчир*, миндаль – *бодом*, персик – *шафтолу*, сливу – *олу*, тутовник – *тут*, черешню – *гелос*, яблоки – *себ* и др.

Одними из самых распространенных фруктовых деревьев являются абрикосы. Они росли практически во всех местах расселения таджиков от равнин и до горных мест, вплоть до высоты 2700 м. Абрикосы составляли и составляют доходный товар для экспорта. Особенно славится своими абрикосами север Таджикистана, где выращивается более ста видов абрикоса. Наиболее популярные сорта – это *қандак*, *мирсанчалӣ*, *кадхурмой*, *сурх*, *точибой*, *аҳрорӣ*, *хучандӣ* и др. Собирают абрикосы двумя способами. Первый способ – это когда срывают плоды с деревьев руками. Второй – это стряхивание плодов на полотнища, поддерживаемые под деревом сборщиками. Чтобы долго хранить и потом экспортировать абрикосы, их сушат под солнцем. После сушки получают следующие виды продукции: *қоқ* – сушеный целый плод с косточкой, *баргак* – половинки плода без косточек, *қайса* – плод без косточки, *аштак* – плод с вынутой косточкой и вложенным вместо нее очищенным абрикосовым ядрышком (Ершов, 1960. С. 89). В настоящее время значительная доля экспорта абрикосов идет в Россию. После снятия урожая абрикосов площадь сада перепахивается, добавляются удобрения, и производится обильный полив.

Плодами, которыми славится современный Таджикистан, является гранат. «Гранат в представлении таджиков был символом изобилия», – писал Н. Н. Ершов (Ершов, 1960. С. 92). Возможно, поэтому таджики часто на стенах своих домов рисуют гранатовое дерево с плодами. Гранаты тоже бывают нескольких сортов, например, *анори ширинак* – гранат сладенький, *анори турушак* – гранат кисленький, *анори каи расм* – гранат кай (в значении царя) обыкновенный, *анори каи Фаргона* – гранат Кай ферганский. История граната на среднеазиатской земле насчитывает более двух тысячелетий (Розанов, 1961. С. 49; Розанов, Эшанкулов, Массовер, 1974. С. 19).

Просушка зерна. д. Махалаи поён, Нурободский район.
Фото Л. Додхудоевой, 2014 г.

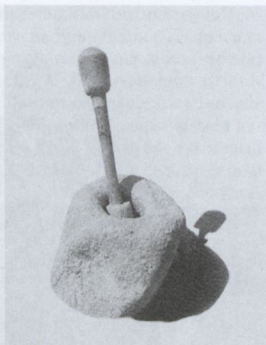
ком и др. (Ершов, 1960. С. 100–104). Свежие плоды и сушеный виноград идут на экспорт. Основными покупателями таджикистанского винограда являются Афганистан и Россия.

В таджикском языке слово *чормағз* (в некоторых местах *чумок*), восходит к древнеиранскому слову (a)gansa – грецкий орех (Стеблин-Каменский, 1982. С. 110). Это говорит о том, что грецкий орех известен таджикам с древнейших времен. Особое распространение он имеет в горных районах современного Таджикистана.

Чтобы улучшить сорта плодовых деревьев, таджики издревле занимались прививкой. Существовало несколько видов прививок, такие, как *баргпайванд* – прививка листом, *нойчапайванд* – прививка трубочкой, *исканайванд* – прививка долотом (Ершов, 1960. С. 86–87).

Помимо садоводства, распространены были огородничество и бахчеводство. Сажали свеклу – *лаблабу*, лук – *пиёз*, морковь – *сабз*, *зардак*, перец – *қаламфур*, тыкву – *каду*, дыню – *харбуза*, арбузы – *тарбуз* и др. Причем бахчевые культуры, такие, как дыня и арбузы, имели в прошлом более широкое распространение по всему Таджикистану, чем сейчас. До середины XX в. дыни и арбузы присутствовали в хозяйстве и на Западном Памире, в том числе в Шугнане и Вахане. С конца XIX в. таджики стали выращивать картофель, помидоры, огурцы, капусту, редис, баклажаны, кабачки и другие овощи.

Общественные каменная ступа и пест.
г. Канти Самаркандский уезд. 1927 г.
МАЭ РАН Кол. № 3556-124

Таджичка за работой с каменной ступой.

Таджикистан. Первая треть XX в.

МАЭ РАН. Кол. № И 68-57

«Красный» караван с хлопком. Таджикистан, г. Душанбе. Первая треть XX в.
МАЭ РАН. Кол. № 139-5

тому теперь клевер приходится косить три раза, хотя раньше косили только один раз (Там же).

Конечно, земля в досоветский период свободно продавалась и покупалась. Поэтому были среди таджиков и те, кто имел очень много земли, но были и те, кто сам не имел земли и работал на землевладельца. Так, до Октябрьской революции на севере Таджикистана жил бай по имени Абдулкасим, который имел около 100 га поливных пахотных земель и 40 га фруктового сада и виноградника (Ершов, 1960. С. 54). В городах были специальные базары рабочих – *бозори мардикор*. Договора с такими рабочими заключались устно и обычно на год. По окончании года рабочие получали заработанные деньги. Помимо таких рабочих, на земле еще работали издольщики – *чорйаккор*. Это слово состоит из двух таджикских слов – *чорйак* (четверть) и *кор* (работа), т.е. люди, которые работали за четвертую долю урожая.

Земля разделялась на частные участки – *хусусӣ*, общественные – *умумӣ* и вакуфные – принадлежащие религиозным организациям. Частными земли становились в двух случаях. Если ее выкупили или если она передавалась по наследству. Основным документом, подтверждающим наличие частных земель, был так называемый *васиқа* – купчая. Обычно такие документы заверял казий того или иного района.

Общественные земли принадлежали всей общине. Эти земли обычно использовали в качестве пастбищ. Вакуфные земли обеспечивали жизнь религиозных людей, которые учились и работали в религиозных школах (*мактаб*), медресе, мечетях и т.д.

Среди таджиков были распространены разные приемы определения урожайности приходящего года. Так, ягнобские дети на Навруз три раза бросали деревянную ложку через свето-дымовое отверстие на крыше дома (*равзан*) на пол. Если ложка падала дном вниз, то год обещал быть хорошим и богатым (*Мирзоев С.*, 2012. С. 58). Во время празднования Навруза в Шугнane в дом вводили быка и ставили перед ним доски с разложенными на них ячменем и травой. Если он сначала съедал ячмень, то считалось, что новый год будет богат хлебом. Если же бык отдавал предпочтение траве, то ждали скупой на урожай год (*Каландаров*, 2004. С. 363). В Вахане в роли быка выступал осел (*Мухиддинов*, 1989б. С. 24; *Крюкова*, 2005. С. 59–61). Конечно, повышение урожайности больше зависело от сельскохозяйственной науки Таджикистана. Так, на 1 апреля 1985 г. 99,7% директоров совхозов были дипломированными специалистами, из них 95,2% являлись специалистами сельского хозяйства (*Назаршоев*, 1989. С. 49).

Земледелие и земледелец занимали особое место в творчестве таджикских поэтов и писателей. Замечательный таджикский философ, мыслитель и поэт Х в. Носири Хусров так восхвалял труд дехканина:

*Беҳ аз санноъи олам деҳқон аст,
Ки ваҳшу тайрро роҳатрасон аст...
Чаҳонро хурраи аз деҳқон аст,
Ки хористон аз у чун бустон аст...
Ба роҳат аз даҳқин мурғу мӯранд,
Ҳама гар одамию гар сутурианд...*

(*Носири Хусрав*, 2003. С. 887–888)

Что с земледелием сравниться может тут?
Зверей и диких птиц в хозяйстве приручает.
Крестьянин что ни год, то открывает клад:
Здесь пашня у него, а там цветущий сад.
Кормилец добрый он создания любого,
Будь это человек, овца или корова...

СКОТОВОДСТВО

В хозяйстве таджиков издавна сочетались земледелие и скотоводство, причём относительное значение той и другой отрасли в различных регионах существенно менялось от абсолютного доминирования земледелия в Ферганской долине до очень важной, если не преобладающей, роли скотоводства у жителей высокогорий Западного Памира. Советская этнография относила традиционные культуры оседлого населения всего горного пояса Южной Европы, Малой Азии и Кавказа, а также горных и предгорных районов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии (в том числе Таджикистана) и Южной Азии (Гималаев) к особому хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев и скотоводов теплого пояса (*Андрианов*, 1985. Карта на форзаце). Таковы самые общие отличительные черты традиционной

сарский, самаркандский, бухарский, ферганский и др.); из набора одних и тех же продуктов можно приготовить разные виды пловов. Сейчас таджикские профессиональные повара могут готовить более 130 разновидностей плова.

САЛАТЫ

Слово *очор* обозначает как свежий салат, так и соленья и маринады. По данным Абуисхока, *очор* – это различные кисловатые салаты, которые готовились для аппетита. В своей книге он упоминает следующие очоры: *очори пудина* – салат из мяты; *хуруши тазров* – салат из травы тундак (армянской травы); салат из *торхон* – болгарского перца; салат *тадра* из различных трав и др. Основными компонентами каждого салата являлись соль, перец, лук. Возех в своей книге привел название 23 очоров, и дал подробное описание восьми из них.

МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ

Молочные продукты занимали основное, наряду с мучными изделиями, место в пищевом рационе жизни таджиков. В сыром виде молоко не пили, и никаких продуктов из сырого молока не приготавливали. Наиболее популярны у таджиков *хомкаймок* – сливки с сырого или кипящего на медленном огне молока; *чургот* – заквашенное кипяченое молоко или варенец; *чакка* – кислое молоко; *дуг* – пахтанье, употребляемое в качестве приправы или как освежающее питье в летнюю жару, из него же заготавливался впрок сыр *туруши* или *курут*, служащий приправой к очень многим кушаньям; *маска* – сливочное масло; *панир* – сыр, заготавливаемый на зиму в адирах и айлоках – летних стойбищах; *равгани зард* – топленое коровье масло.

Из молочных продуктов готовили блюда дугбат, калябат, ширкаду, ширчай, ширбиринч, шакароб, о которых было упомянуто выше, курутоб, руганчуши, ширчуш, ширруган, ширбат и другие блюда.

ОВОЩИ, ФРУКТЫ И ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ

Пиёба – овощной суп был известен еще с древнейших времен. Он являлся пищей бедных слоев населения. Его готовили в случае, если не было мяса. В горных районах его называли также *обчушак*.

Много различных блюд таджики готовили из тыквы, особенно в осенний сезон. Тыква очень почиталась таджиками (Писарчик, 1949. С. 89–97). Кроме указанных выше манту из тыквы и пирожков, готовили следующие овощные блюда: *кадуоба* или *каду лафкан* – вареная тыква; *ширкаду* – вареная с добавлением молока; *кадуи тагиалоби* – тыква, запеченная в горячей золе; обычно это блюдо готовили осенью и зимой.

Капустный суп *карамшурбо* готовили из капусты кольраби с добавлением лука, свеклы, картофеля, неизменного красного перца, а также гороха, фасоли или чечевицы. С появлением картофеля в рационе появились различные блюда из этого продукта: *картушкашурбо* – суп из картофеля; *картушкабирён* – жареный в масле вместе с луком картофель; *картушкакокак* – сильно поджаренный в масле картофель.

На пасеке. Западный Памир. Фото М. Наврузбекова. 2016 г.

Луковицы лилейного растения фритиллярии (*холмон*, *олму*) или *елми* (у русских это растение известно как «рябчик» или «царские кудри») перетирали на камнях как на терке, клали в кувшин и заливали водой. При этом на дно осаждался крахмал, который сушили и употребляли для приготовления молочного киселя.

Употреблялись в пищу и грибы. Из груздей (*чагора*, *корч*, *занбуруг*) готовилось блюдо *корчоба* – грибы, тушеные с кориандром или жареные в масле. Это блюдо считалось очень питательной пищей, поэтому в Каратегине его называли *гушти сафед* («белое мясо»). Жареные сморчки в Дарвазе называли *дили барра* (досл. «сердце ягненка»).

БЕЗААЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ И ВИНА

Из напитков самым излюбленным считался зеленый чай (*чои кабуд*), завозимый из Китая, и *чои фомили* – черный чай, завозимый из Индии. Чай завозили из Афганистана и городов Туркестанского генерал-губернаторства. В старые времена чай был недоступен для горных районов, и здесь использовали различные горные травы: листья лоха (*барги санчид*), зверобой (*зардках*, *зардгулак*) или *чойках* («желтая трава» или «чайная трава»), *пайвандак* и т. п.

Чай кипятили и заваривали в узкогорлых чайниках со сливом (*чойчуш*), который ставили либо около горящего огня, либо на особый небольшой очаг, сделанный специально для него. Предпочитались *чойчуши мисин* – медные чойчуши, более легкие, в которых вода быстрее закипала в сравнении с чугунным. Позже стали появляться фарфоровые чайники – изделия русских фабрик. Сейчас при чаепитии чаще всего используют чайник сферической формы и фарфоровые пиалы (*пиёла*). Для лучшего заваривания чай трижды

Деревянный черпак *кавлез*.

Куляб. 1949 г.

МЭ НАНТ. Инв. № 13–74.

Фото Б. Бобомуллоева. 2011 г.

Медный черпак для воды и чая

чойбардон. Согд. Середина XX в.

МЭ НАНТ. Инв. № 1193–296.

Фото Б. Бобомуллоева. 2011 г. С. 299

переливают из чаши обратно в чайник. Согласно традиции, хозяин дома отпивал из пиалы первым и затем подавал чашу другим присутствующим, по старшинству. Считалось неприличным подавать пиалу полной или когда на чае появлялась пена. Нельзя было подавать чай левой рукой. Сейчас на стол подают пиалы для каждого присутствующего.

Из вишни, гранат персиков, винограда, яблок, абрикоса и других фруктов готовили компоты и соки – *ширбат*: зардолуоб, оличаоб, себоб, ширбати зардолу, шафтолу, олуболу, олу, нок, анор, ангур и др.

ВИНА

Домусульманские источники сообщают, что *дастархон* не обходилась без вина. Согдийские документы показывают, что во дворце Деваштича было очень много вина, и каждый день он и его гости употребляли разные сорта вин и разной выдержки. Некоторые вина выдерживались более 1000 дней (*Якубов*, 1979б). В некоторых залах для приема гостей на полу были вкопаны хумы – *корчаги* (например, в тронном зале афшинов Уструшаны), из которых виночерпий подавал вино гостям. В Согде и Уструшане была специальная должность «глава виночерпиев» – *набизпанд*, *мазулпад*. Это свидетельствует о большой роли винных напитков, как неотделимой части пищи в жизни народов Средней Азии домусульманского периода.

Автор «Кабуснамэ» пишет, что «если у тебя нет хорошего вина, гостей не зови, потому что едят-то люди и так каждый день. Нужно, чтобы вино и пища были хорошие, тогда на столе и в мисках твоих не будет недостатка... и когда заметишь, что гости опьянели, покажи проворство, но будь чутким с гостями, пей за здоровье их и будь с ними приветлив и ласков». Хозяин дома должен был пить немного, чтобы не опьянеть.

ПРАЗДНИЧНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ПИЩА

Таджики – испокон веков гостеприимный народ. «Гость – это посланник бога», – говорили в народе. Поэтому для гостя подавали самые изысканные блюда, в том числе и самое главное блюдо – плов.

В религиозные праздники Иди Рамазан и Иди Курбан, таджики, как и все мусульмане, проводили поминовение усопших предков. Главным на

этих праздниках являлось принесение в жертву животного, из мяса которого готовили *шурбо* (суп) или плов, а на праздник Иди-Курбан очень часто совершали обряд *хомталош* (раздавали сырое мясо), готовили в качестве ритуального халву различных сортов и жарили в масле кусочки теста *буи*, которые считались «пищей усопших», поскольку при их приготовлении исходили запахи – *буй*.

Каждый этап свадебного, родильного и поминального циклов сопровождался угощением родственников, соседей и односельчан (*Шовалиева*, 2001. С. 133–139; *Кисляков*, 1959; *Бердиев*, 1985. С. 98).

На каждом этапе свадьбы пища играла «особую» роль и имела свое знаковое содержание. Ключевым был обряд сговора – *ноншиканон* (разламывание лепешек), после которого стороны начинали готовиться к свадьбе. Обряд *ордбезон* – «просеивание муки» имел признак белизны, хорошего исхода дел и проводился до свадьбы в доме невесты. За свадебным занавесом в подол невесты клали яйца, что должно было способствовать плодovitости новобрачных. Аналогичное значение имело и осыпание молодых сухофруктами, монетами, сладостями. Осыпание деньгами – признак богатой жизни новобрачных, а сладости и испитую из чаши сладкой воды являлся знаком хорошей, «сладкой» жизни. Обрядом приобщения молодой к хозяйству мужа являлся обряд *дастчармкунон* или *руганрезон* и др. (*Андреев*, 1953; *Кагаров*, 1929; *Кисляков*, 1964; *Лобачева*, 1978, 1975; *Люшкевич*, 1975 С. 253; *Мадамиджанова*, 2006б. С. 257).

Наиболее архаичным являлся поминальный цикл. В течение трех дней в доме умершего не готовилась пища, а ее приносили соседи, поскольку дом считался в эти дни «ритуально нечистым» (*харом*). «Очищали» котел для приготовления в нем поминальной пищи, для чего в нем готовили халву и *чалтаки* – семь поминальных блинов. Обязательным являлось закалывание жертвенного животного, из мяса которого готовили *шурбо* и плов. Пищу на поминках обязан был отведать каждый присутствующий, поскольку считалось, что чем больше съедят участники трапезы, тем больше пищи «получит» на том свете покойный. До годовщины в дом умершего носили нечетное число лепешек – *ток*, а в годовщину четное число – *чуфт*, поскольку умерший к этому времени обретал покой (*Мардонова*, 1998; *Рахимов*, 1953б. С. 124).

Женщина варит обед.
Узбекистан.
Ташкентская обл.
г. Чуст. 1926 г.
МАЭ РАН. Кол. № 3489-18

Рождение ребенка в семье являлось радостным событием в доме таджиков, особенно, если первенец был мальчиком. После рождения устраивался женский праздник *говорабандон* по поводу положения ребенка в колыбель. Каждый этап жизни ребенка сопровождался угощением: *дандонбуророн* – появление первого зуба, *муйсаргирон* – первая стрижка, *побуророн* – первые шаги и т. п. (Бакиева (Шовалиева), 1982. С. 13; Мардонова, 1984. С. 120–128; Троицкая, 1935. С. 109–135; Шовалиева, 1989а. С. 15; 2005. С. 69–77; 2007а. С. 36–42).

Также торжественно справляли обряды возрастного цикла: *туи хатна* (обрезание) и *мулчардароён* (достижение возраста совершеннолетия – 12–13 лет). Согласно полевым материалам, если раньше обряд мулчардароён был характерен для таджиков городов и равнинных районов, то в настоящее время он сохранился только среди таджиков Гиссара и Канибадама, таджиков г. Бухары, проживающих в Душанбе выходцев из Бухары, а также ирани г. Кагана (Узбекистан) (Шовалиева, 2007а. С. 36–42). На праздник закалывали жертвенное животное и готовили шурбо с пловом, а также устраивали пышное угощение с большим числом людей и увеселениями, что означало переход подростка из одной возрастной группы в другую.

Древними домусульманскими земледельческими праздниками у таджиков, так же как и у всех народов Средней Азии являлись праздники *Навруз*, *Сада* и *Мехргон*. Эти земледельческие обряды зафиксированы в «Авесте», в «Шахнаме» Абулькосима Фирдоуси, у историка X в. Наршахи; в политическом трактате Низам-ал-Мулка «Сиясатнаме», поэта и философа Омара Хайяма, в трактате «Наврүзнамэ» и др.

Мехргон и Сада считались наиболее крупными праздниками в древнем Иране и сопровождалась сложной обрядностью. Праздник Сада наступал за 100 дней и ночей до наступления Навруза. У горных таджиков он назывался *Хут* и приходился на 28 февраля григорианского календаря (Рахимов М. Р., 1957а). Для проведения этого обряда мужчины села собирались в мечети, где три дня подряд готовилась «божественная пища» – *ширруган* («молоко в масле»), тонкие лепешки – *чаппоти*, приносили тушу специально заколотого для обряда животного – и все совместно съедалось,

Печь для выпечки лепешек.
д. Мирох. Административный
район г. Рогуна.
Фото Л. Додхудоевой. 2014 г.

сопровождаясь пантомимами, песнями и плясками. Женщины справляли обряд дома с детьми. Смысл обряда заключался в мольбе природы о скорейшем приближении теплой весны и конца холодов (Валиев, 2009. С. 102; Нурджанов, 2002. С. 166).

Навруз – это праздник Нового года (21–22 марта) и начала земледельческих работ. Это – праздник весны и начала земледельческих работ, что также отразилось в пище. В пище на Навруз в основном использовали бобовые, пшеницу, зелень, закалывали скот, совместно приобретенный жителями каждого селения или квартала для общественной трапезы. Готовили солод из пророщенных зерен пшеницы – *суманак* и блюдо *кашк* или *гандумбоч* (на Памире – *бодж*) из 7 видов бобовых (Мадамиджанова, 2007, 2009б; Шовалиева, 2001. С. 133; 1994).

Мехрган являлся праздником сбора урожая. По древнеиранскому солнечному календарю этот день приходился на 23 сентября – 22 октября Григорианского календаря. Слово «Мехр» имел значение света, дружбы, любви, нежности, и т.п. В празднике отражалась любовь человека к природе и, в свою очередь, «любезность» природы к человеку, выразившаяся в результатах его труда – хорошем урожае.

В Хуфе отголоски этого праздника видны в обряде *увд* (Семь) на летовке, откуда лепешки из новой муки приносили в селение и раздавали соседям, а в долине р. Хингоу готовили блюдо *равганчуши* – лепешки, залитые топленным маслом, которые совместно съедались в семейном кругу (Андреев, 1953, 1958). В настоящее время этот праздник известен под названиями «Иди Хосилот» – («Праздник Урожая»), «Сайли харбуза» («Праздник дыни»), «Иди асал» («Праздник меда») и т.п. (Амонов, 1977а).

Все праздники годового цикла связаны с трудовыми производственными процессами, со временем начала посевных работ, сбора урожая. В них явно ощущалась победа добрых сил над пагубной стихией. Цикл этих малых и больших праздников и обрядов, связанный с возрождающейся природой, так или иначе, уходил своими корнями в культ умирающих и воскресающих божеств растительности. Он весьма был характерным для земледельческих народов древнего Востока (Нурджанов, 2002).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

Глава 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Изучение этнографии таджиков в новейшее время (1918–2019) (<i>А.В. Валиев</i>)....	11
Среда обитания (<i>Х.М. Мухаббатов</i>)	27
Освоение древними популяциями территорий Центральной Азии (<i>Т.Г. Филимонова</i>)	46
Антропологические сведения (<i>Н.А. Дубова</i>)	60
Древние и средневековые языки Среднего Востока (<i>П.Б. Лурье</i>)	100
Таджикский язык и его развитие (<i>С. Назарзода</i>)	123

Глава 2

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Происхождение этнонима «таджик» (<i>А.Н. Мухаммад</i>)	151
Арийская проблема в контексте изучения этнической истории (<i>Н.Дж. Ходжаева</i>)	163
Этнополитическая история в раннее Средневековье (I–VIII века) (<i>В.С. Соловьев</i>)	170
Таджики в IX–XIX веках (<i>А. Саидов, З.М. Мадамиджонов</i>)	189

Глава 3

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйственно культурные типы в конце XIX – начале XX века (<i>Р.М. Абдулвахидов</i>)	201
Земледелие (<i>Т.С. Каландаров</i>)	220
Скотоводство (<i>А.Н. Ямсков</i>)	241
Ремесла, промыслы и народное изобразительное искусство (<i>Л.Н. Додхудоева</i>)	264
Ювелирное дело (<i>З. Умарова</i>)	308
Зарождение и эволюция текстильного производства таджиков (<i>М.Ф. Ибрагимов</i>)	333

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Монументальная историческая архитектура (<i>Р.С. Мукимов</i>)	369
Поселения и жилища (<i>Р.Г. Мурадов</i>)	393

Пища и система питания (<i>М. Шовалиева</i>)	434
Одежда (<i>М.Ф. Ибрагимов, Д.К. Раджабова</i>)	458
Средства коммуникации (<i>З.М. Мадамиджонов</i>)	490

Глава 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Общественные институты (<i>З.М. Мадамиджонов, В.И. Бушков</i>)	503
Семья и семейные отношения (<i>З.М. Мадамиджонов, З. Юсуфбекова</i>)	523
Семейно-бытовой этикет (<i>М. Шовалиева</i>)	532

Глава 6

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Свадебная обрядность (<i>З. Юсуфбекова, З.М. Мадамиджонов</i>)	539
Родильная обрядность (<i>З. Юсуфбекова, М. Шовалиева</i>)	555
Похоронно-поминальная обрядность (<i>М. Файзулаев, З.М. Мадамиджонов</i>)	566
Календарные обряды и праздники (<i>З.М. Мадамиджонов, М. Шовалиева</i>)	576

Глава 7

РЕЛИГИЯ

Зороастризм (<i>В.Ю. Крюкова</i>)	591
Культовая архитектура (<i>Р.С. Мукимов</i>)	598
Ислам в духовной культуре таджиков (<i>Г.Дж. Мирзоев</i>)	613
Исмаилизм (<i>Т.С. Каландаров</i>)	624

Глава 8

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Традиционный театр (<i>Н.Х. Нурджанов</i>)	641
Традиционная музыкальная культура (<i>Б.Т. Кабилова</i>)	659
Шашмаком – жемчужина музыкального наследия народа (<i>А. Низамов</i>)	684
Народные игры и развлечения (<i>З. Юсуфбекова, Л.Н. Додхудоева</i>)	697
Метрическая система (<i>В.В. Дубовицкий</i>)	709
Народная медицина (<i>Ю.Н. Нуралиев</i>)	719
Астрономические представления (<i>М.Г. Никифоров</i>)	728

Глава 9

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Этнодемографические процессы (<i>А. Хайдаров</i>)	750
Социально-профессиональная структура (<i>Г. Кахаров</i>)	769
Формирование таджикской национальной идентичности (<i>П.Д. Шозимов</i>)	782
Миграции и этнодемографическое развитие в конце XIX – XXI веке (<i>К. Абдуллаев</i>)	802

Глава 10

ТАДЖИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Таджики Китая (<i>А. Саидов</i>)	818
Таджики Афганистана (<i>Р. Махмадишоев</i>)	831
Таджики Узбекистана (<i>Р. Махмадишоев</i>)	847
Таджики России (<i>Р. Махмадишоев</i>)	849

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**